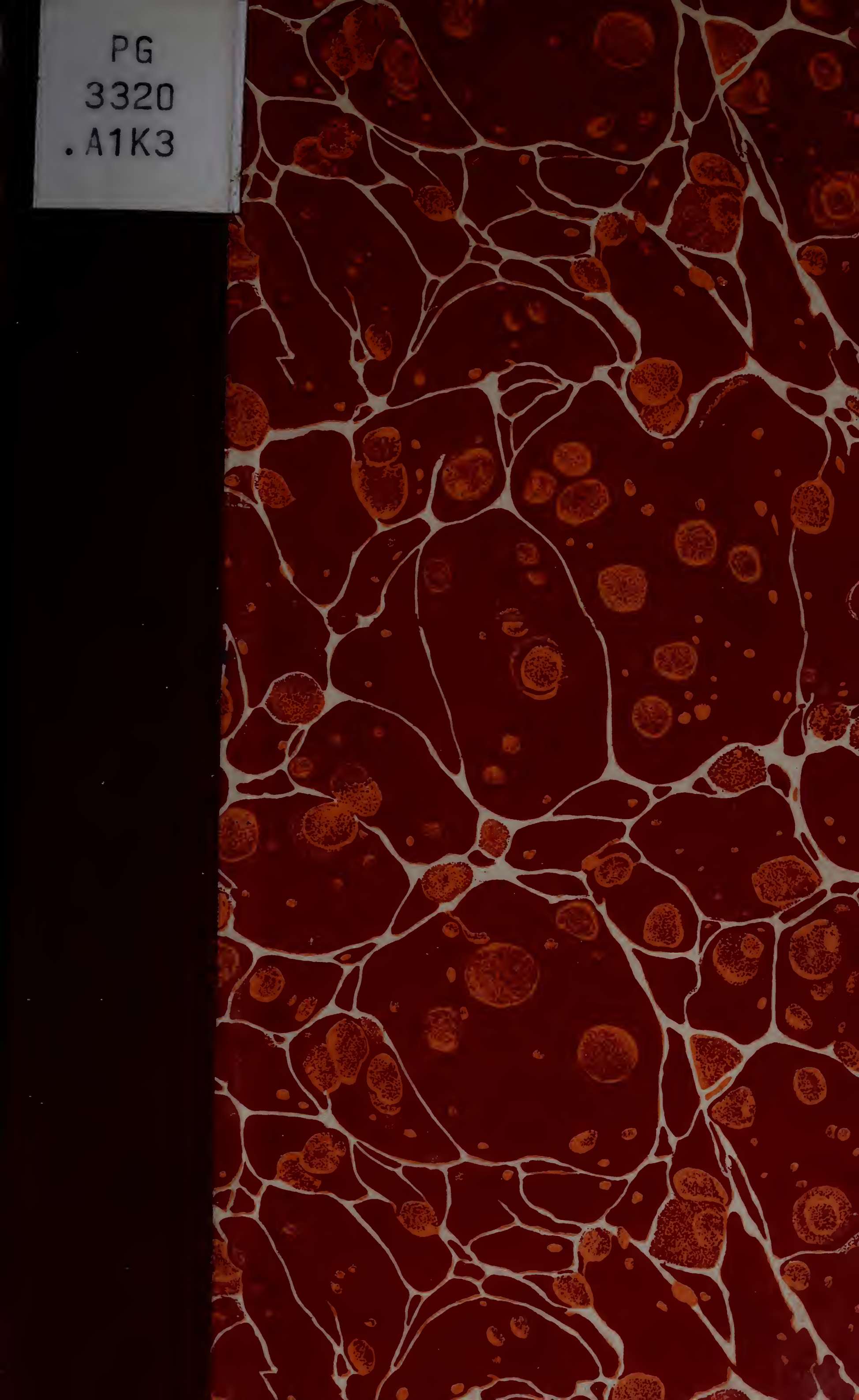

PG
3320
.A1K3

КАТИНЬКА.

РОССІЙСКАЯ ПОВѢСТЬ

Вольными Стихами.

ВЪ ТРЕХЪ КНИГАХЪ.

МОСКВА.

Въ Губернской Типографіи
у А. Рѣшетникова.

1806 года.

Съ дозволенїя

Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

КНИГА I.

Не громкой Лирой пѣснь сплетаю,
Не съ Музами свой трудъ дѣлю,
Къ Парнасскимъ высотамъ я духомъ не лѣтаю,
Въ свободныя часы себя лишь веселю.
Не громъ побѣдъ въ моемъ предметѣ
Не славлю Рыцарей въ бою,
Не вѣщь первѣйшую на свѣтѣ
Въ подобьѣ Душинькѣ — я Катиньку пою;
Лишь съ тою разницей, что душинька была
Сотворена Царицей;
А Катинька хотя не мѣнѣе мила,
Но рождена простой дѣвицей. —
Родилася она не въ Южныхъ сторонахъ
Не тамъ, гдѣ нѣжныя и рѣзвыя Зефиры;
Но тамъ гдѣ самъ Борей имѣетъ тронъ на льдахъ,
И бѣло — снѣжныя порфиры.
Не въ славной Грецiи — но въ славномъ Русскомъ
царствѣ,
Не въ древности тогда, какъ славились Волхвы;
Но въ нынѣшнихъ годахъ средь каменной Москвы,

Которую зовемъ мы Раемъ въ Государствѣ,
Столицей роскоши — забавъ,
Которая всегда обильна красотами,
Куда съѣзжаются съ сердцами,
Но не имѣютъ болѣ правъ
Оставивши ее, вести сердца съ собою,
И такъ въ семъ городѣ назадъ не много лѣтъ
Явился Ангелъ красотою,
Котораго хотя не знаетъ цѣлой свѣтъ,
Какъ Душеньку всѣ знали,
Однако, кто видалъ — такъ вѣрно обожали. —
Природа къ похвалѣ своей,
Чтобы себя прославить ею,
Снабдила и умомъ и милою душею,
И отличила тѣмъ отъ дюжинныхъ людей
Прелѣстныя глаза, съ умомъ, съ красой душевной
Бываютъ рѣдкостью и вѣщію примѣрной.
Хотя и часто намъ случается читать,
Что Авторы одинъ другому въ подражанье,
Кого начнутъ хвалить — тотъ первое созданье,
Природажъ никогда не знала подражать,
А безъпримѣрныя творенья намъ являетъ,
Прелѣстна Катинька, ее въ томъ оправдаетъ. —

Не такъ течетъ поспѣшно время,
Какъ скоро можно написать
Младенчества сложивши бремя,
Сей Ангелъ началъ вырастать —
Тогда всѣ женщины твердили:
„ Соперницей ты будешь намъ. „
Мущиныжъ говорили:
„ Опасна будешь ты серцамъ.
Досель три Граціи щитались въ здѣшнемъ мірѣ,
Родилась Катинька, и стало ихъ четыре;
Она заразою межъ ими назвалась,
Но тѣхъ не видимъ мы — а Катинька унасъ;
И наша Грація земная,
Бывъ украшеніемъ людей,
И всѣхъ собою занимая
Въ цвѣтущей младости своей;
Надежду полну подавала,
Что будетъ прелѣстъ изъ прелѣстъ,
И тамъ гдѣ Катинька бывала
Бѣжала скука отъ тѣхъ мѣстъ.
На балѣ гдѣ или въ собранье,
Старушка говоритъ другой:

,, Какоебъ было мнѣ страданье,
,, Когдабъ была я молодой,
,, Пришло бы мнѣ тогда проститься,
,, Съ покойнымъ муженькомъ своимъ,
,, Онъ былъ охотникъ волочиться,
,, И вѣрно къ бѣдствіямъ моимъ,
,, Была бы Катинька соперницей моею,
,, Ведь къ стати упредилъ онъ смѣртію своею—,,
Проживъ пол сотни лѣтъ и взрослыхъ чадъ отецъ,
Заразу видя предъ собою,
Клянетъ судьбу свою, что онъ не молодецъ,
И что онъ не любимъ красавицей такою,
А многія ее въ холодности винили,
Забывъ, что для любви зараза молода,
Однакожь между тѣмъ всегда боготворили,
Но вдругъ великая бѣда,
Для всѣхъ, которые заразой занимались
Отецъ и мать ее въ путь дальный собирались,
Уѣдетъ Катинька, тутъ всякой говорилъ,
И всякой спрашивалъ, когда назадъ прибудетъ,
И Авторъ Катинькѣ на проводъ сочинилъ
Прекрасной тріолетъ, онъ здѣсь представленъ
будетъ

Для тѣхъ, которые участье въ томъ берутъ,
Что милу Катиньку изъ города везутъ,
Къ не нещастью — къ щастьюли сихъ мѣстъ,
Зараза скоро удалиться,
Одною мѣньше изъ прелестъ;
Къ нещастью — къ щастію сихъ мѣстъ
Но естьли послѣ съ ней проститься.
Когда лѣтъ пять еще свершится
Тогда къ нещастію сихъ мѣстъ,
Зараза съ нашими сердцами удалится. —
Любезну Катиньку толпы не провожали,
Такого не было, какъ Душенькинъ парадъ,
Простились съ ближними съ друзьями; поскакали,
И тотъчасъ изъ виду пропалъ Столичный градъ,
Хрустальную кровать въ походъ не снаряжали,
А естьлибъ я ее вмѣстилъ,
Тогдабы пѣснь мою за сказку почитали,
Тогдабы истинну, сей ложью оскорбилъ. —
Въ парадѣ не были тамбуры и каклюшки,
И это для того,
Что Катинька тогда игрила лишь въ игрушки
И такъ безовсего;

Безъ всякихъ чудныхъ дѣлъ семейство въ путь
пустилось
Не знаю сколько дней въ дорогѣ находилось,
Но только то могу сказать,
Что Катинька, Отецъ и Мать ,
Въ которую страну желаніемъ стремились
Такъ въ той и поселились. —
Но сторону сію я долженъ описать :
Когда природа наша Мать
О чемъ нибудь скучала,
То въ тамошни мѣста поплакать отъѣзжала,
Тамъ мало жителей, но множество звѣрей;
Тамъ дикій лѣсъ растетъ и бурны вѣтры воютъ;
Тамъ каменны скалы огромностью своей,
Отъ взора смертныхъ Солнце кроютъ.
Гдѣ лѣто рабствуетъ, владычествуетъ хладъ,
Гдѣ съ ревомъ катится клубится водопадъ,
И гдѣ на Флору разсердился.
Жестокой царь морозъ.
Однако выслать не рѣшился ,
Прекрасну розу изъ всѣхъ розъ ,
Которая въ странѣ угрюмой и пустой,

Недавно показалась,
Котора Катинькой доселѣ называлась!
И та, которая своею красотой,
Своей любезностью пустыню украшала,
Которая собой семѣйство утѣшала. —
Въ довольствѣ межъ родныхъ, чего еще желать?
И такъ то Катинька тамъ стала поживать,
Съ Олимпа Музы къ ней ходили,
Иныя Азбуки учить,
Другія струны шевелить;
Иныя склонность въ ней вселили,
Дѣла героевъ разбирать;
А Терпсихора на учила,
Ее прекрасно танцовать;
И Катинька о всемъ понятье получила.
А чтобы болѣе во всемъ образовать
То сами Грацiи къ любезнѣйшей подругѣ,
Ходили часто надосугѣ,
О вкусѣ, Лекцiи читать. —
И годъ и два и три проходитъ
И Катинька въ странѣ угрюмой ихъ проводилъ.
Въ забавакъ съ пользою день всякой проходитъ —

„ Что можетъ лучше быть семѣйственнаго
круга „
Руссо бывало говорилъ;
И естьли въ жизни кто нашелъ покой и друга,
Чего тому желать?
Тому осталося безсмертія искать. —
Но рѣдко небо посылаетъ
Прямое дружество для насъ,
И кто сердца людей узнаетъ
Хотя сто лѣтъ щитайся часъ?
И лѣтъ такихъ проживъ полвѣка,
Едваль постигнешь человѣка,
Съ которымъ всякой день бывалъ. —
Примѣровъ много свѣтъ видалъ,
Что другъ безъ друга не ѣзжали,
Куда одинъ, туда другой;
Ихъ всѣ друзьями называли,
Съ душей казалися одной,
Два смертныхъ въ свѣтъ произведенны
Какъ будто Пифій и Дамонъ;
Но въ другъ — на вѣки разлученны;
А чтожь причиною? Бостонъ.

Вотъ такъ то дружество степенно,
Въ подлунной здѣшней сторонѣ;
Оно на льду сооруженно,
Вѣсна придетъ — и все на днѣ. —
Душею всякой почитаетъ
А взглянешь, такъ душа пуста,
И дружбу всякой начинаетъ,
Какъ будто церковь со креста;
Безъ видовъ дружба не начнется,
Въ щастмивы наши времена,
У всѣхъ пословица ведется,
,, Таковъ и плодъ какъ семена,,
Инаго къ дружбѣ льститъ богатство,
Другаго почесть и чинъ;
Инаго женнино пріятство,
И по сему-то найдены
Два рода тѣхъ людей на свѣтѣ,
Которымъ всѣ почти друзья. —
О деньги! вы у всѣхъ въ предметѣ,
Вамъ служатъ Графы и Князья.
И естьли вами кто владѣетъ,
Кому достанетесь въ удѣлъ;
Тотъ множество друзей имѣетъ,
Изъ сихъ пріятелей, кто болѣе имѣлъ:

Врожденнаго другаго свойства,
Тотъ будетъ первой изъ друзей.
Пойдутъ со всѣхъ сторонъ разстройства;
Набалъ — на пиръ — и на гостей,
И также другу на расходы,
Которой гроша неимѣвъ,
Однѣ лишь вѣдаетъ приходы,
И послѣ симъ разбогатѣвъ,
Когда увидитъ недостатки:
У прѣжня друга своего,
То обобравши и остатки,
Оставитъ съ бѣдностію его,
Друзья же роскоши, богатства;
Друзьями быть не захотятъ.
Когда всѣ кончатся пріятства,
И радость грусти замѣнятъ:
Тогда они же насмѣхаться;
Надъ глупой роскошью начнутъ.
Коль видовъ нѣтъ — то удалятся
И въ помощь рукъ не подадутъ.
О вы! которые одними красотами,
Свои плѣняете сердца,
И быть желаете мужьями,
Нашедши прелѣсти лица.

Не льзя, чтобы всегда прекрасныя черты,
Служили для души намъ вывѣскою вѣрной,
И долголи попасть въ рогатыя скоты,
Съ красавицей примѣрной;
Конечно рай не жизнь съ прекрасною женою,
Услышишь тьму похвальныхъ словъ;
Съѣзжатся будутъ въ домъ толпою,
Сберется общество льстецовъ.
И всякой мужу радъ явить свои услуги,
Чтобъ благосклонность заслужить,
И кто любезнѣе — тотъ будетъ ключь носить
Отъ сердца милинькой подруги.
И будетъ Камергъ-геръ!
То есть: какъ нынече ведется,
Онъ другомъ дому назовется,
А этому въ примѣръ,
Друзей премножество явится,
И можно такъ сказать безъ всякихъ лишнихъ словъ,
Что у супруга очутится;
Гораздо больше рогъ — чемъ было волосовъ. —
Страшися Катинька подобныхъ симъ примѣровъ,
Страшись! — и убѣгай отъ хитрыхъ лицемѣровъ;

Стремленью первыхъ чувствъ свободы недавай,
Наружность милую, на сердце не мѣняй.
Изъ мыслей не теряй – что время все стираетъ,
Что твердость мрамора въ песчинки обращаетъ,
Когда ты выростешь – когда ты вступишь въ свѣтъ;
Не ставь имущество за главнѣйшій предметъ.
Одними почестьми чинами не прельщайся,
Достоинство души всѣгда узнать старайся;
Не славься, что сердца умѣешь побѣждать,
Но тѣмъ, что ты собой умѣешь управлять.
Не величайся тѣмъ, что ты умомъ блистаешь,
И что подругъ своихъ таланты затмѣваешь;
Нибудь застѣнчива, будь съ скромностью вольна,
Ты въ міръ примѣрнѣйшимъ твореньемъ рождена. –
Кто знаетъ Катиньку, тотъ это подтверждаетъ,
Ибвыборъ Грацій тотъ конечно оправдаетъ.
А ты о Катинька! старайся доказать,
Что тщились Граціи тебя образовать;

Но нада дать покой — всѣ знаютЬ, что ученье
Не любитЬ шумности, одно уединенье
Его должно сопровождать;
И такЬ довремяни я до лженЬ замолчать. —

КНИГА II.

О! естьлибъ свой языкъ имѣло огорченье,
Тогда бы я возмогъ точь въ точь
Сказать о бѣдствіи — представить то мученье,
Какимъ терзалися: отецъ и нѣжна дочь!
Но какъ бы ни было подробно описанье,
Какихъ бы словъ я ни прибралъ,
Вмѣстивши рѣки слезъ — и вздохи — и стенанье;
Все мало бы сказалъ
Въ сравненьи съ чувствами — которыя питаютъ
Нещастныя въ своихъ сердцахъ,
Они единыя лишь знаютъ;
Что происходитъ въ ихъ душахъ.
Любезна маминька у Катиньки скончалась,
И Катинька полу - сироткою осталась;
Бѣгите Граціи подругу утѣшать,
Старайтеся печаль и слезы прекращать!
Старайся; чтобъ она въ отчаянье не впала;
И чтобы тѣмъ своихъ красотъ не потеряла;
А болѣе всего старайтесь сохранить
Здоровье — безъ него нельзя на свѣтѣ жить.

О смерть жестокая! ты всѣмъ творишь злодѣйства!
Ты даже не щадишь и малаго семѣйства,
Въ которомъ царствовалъ покой,
Гдѣ Ангелъ — взоромъ — красотой!
И самыхъ извергов смягчаетъ;
Но видно что тебѣ, ни что не возпрещаетъ,
Стремяся къ разному — всѣ будутъ у тебя.
Ты въ свѣтѣ первою поставила себя,
Цари, которыя полсвѣтомъ завладѣли,
Тебя къ стопамъ своимъ повергнуть не умѣли —
Герой, которой могъ все въ мірѣ побѣждать,
Не могъ противъ тебя оружія поднять. —
Ты милу Катиньку уважить не хотѣла,
И въ платьѣ черное, ты Катиньку одѣла.
Велѣла у топать ей въ горестныхъ слезахъ,
Которыя еще на милинькихъ глазахъ
Досель не появлялись,
Какъ будтобы ее разстрогивать боялись.
Ты въ перьвой разъ ее заставила страдать,
Картину горести я долженъ описать! —
Лампадный блѣдный свѣтъ сопутникъ погребенья,

И томный колоколъ, и мрачный голосъ пѣнья.
Все это въ спутникахъ, отчаянье родитъ;
А Катиньку оно какъ молніей разитъ,
Цвѣтъ черной къ бѣлизнѣ — взоръ томной и унылой,
Волоски на лицѣ разброшены умилой.
Съ платочкомъ бѣлинькимъ въ прекраснѣйшихъ рукахъ,
За гробомъ матери шла Катинька въ слезахъ.
Не знаю далеколь его препроводила,
Извѣстно, что тотъ гробъ сыра земля сокрыла,
Средь стѣнъ, которыя вмѣщаютъ монастырь,
И гдѣ подъ тѣнью древъ, течетъ унылый Свирь.
Въ юдолѣ мертвецовъ — гдѣ мрачное, забьвенье.
Велитъ къ мірскимъ мечтамъ имѣть пренебреженье,
Тамъ въ мирной тишинѣ — спокойно прахъ лежитъ;
Тамъ дружба и любовь надгробіе чертитъ;
Тамъ надъ могилою льетъ Катинька токъ слезной,
Скажу я вмѣстѣ съ ней: покойся прахъ любезной. —

Не вѣчно тосковать,
Не вѣчно слезы проливать;
Не съ тѣмъ сей созданъ свѣтъ, чтобъ въ ономъ обитали
Едины горести стѣнанья и бѣды,
Чтобъ смертныя на немъ въ нещастьяхъ утопали,
Чтобъ видѣли вездѣ унынія слѣды.
Ахъ! нѣтъ — и на землѣ найти путь можно къ щастью,
Оно живетъ во всѣхъ подъ солнечныхъ странахъ,
Не вѣчно громъ гремитъ — не вѣчно быть ненастью;
Не вѣчно Небо намъ велѣло жить въ слезахъ,
Печали съ радостью бываютъ сопряженны,
Заря намъ красный день — блескъ Солнца возвѣститъ,
Но туча мрачная лучи его затмитъ,
Которыми поля зримъ съ нова освѣщенны —
Такъ точно Катинька, престань себя томить,
Пора тебѣ свой взоръ улыбкой оживить.
Но я забылъ что огорченью,
Не льзя совѣтовъ подавать;

А должно только къ утѣшенью,
Съ несчастнымъ вмѣстѣ сострадать ;
И такъ мнѣ нужно извиниться
Прекрасная передъ тобой,
И той надеждой веселиться,
Что время грусть возьметъ съ собой.
Ты Катинька не все на свѣтѣ потеряла;
Судьба тебѣ отца къ отрадѣ даровала,
Конечно дочерямъ имѣть нужнѣе мать,
Хоть дочь свою отецъ и будетъ утѣшать,
Но будетъ ли имѣть такое попеченье?
То знаетъ Катинька и сдѣлаетъ сравненье.
А я оставя разсуждать,
Возьмусь послѣдствіе писать;
Угрюмая страна для Катиньки унылой,
Казалася со всѣмъ несносной и постылой;
И такъ въ той сторонѣ не могши больше жить,
Рѣшилась оную оставить — и забыть,
Разтроганный отецъ съ ней въ мысляхъ согла-
сился,
И въ скоромъ времяни оттуда удалился.
Два раза шесть круговъ Фебъ въ Мірѣ совер-
шилъ,
И милу Катиньку намъ взрослою явилъ;

Не сносной Мизантропъ — ты быть съ людьми боишься;
Взгляни на Катиньку — и вѣрно ей плѣнишься;
Полюбишь общество — забудешь кабинетъ,
Скучая жизнію — похвалишъ здѣшній свѣтъ
Она въ душѣ твоей родъ смертныхъ оправдаетъ,
Любовь сей даръ святой цѣпь Міра сопрягаетъ,
Коль древность вѣрила Оракуламъ своимъ,
Такъ вѣрить я могу предчувствіямъ моимъ,
Прекрасное должно прекраснымъ наградиться,
Ты будешь Катинька въ сей жизни веселиться;
Къ блаженству твоему нѣтъ кажется препонъ,
Знатна богата ты — хотя все это сонъ;
И съ жизнью все пройдетъ — но въ жизни утѣшаетъ,
Что будетъ какъ умремъ — того никто не знаетъ;
Довольно естьли мы, о прошломъ будемъ знать,
И настоящимъ днемъ умѣть разсполагать;
Жизнь наша коротка, и столькоже премѣнна,
Минута радости должна быть драгоцѣнна;
И пользоваться ей разсудокъ намъ велитъ;
А мнѣ при сихъ словахъ такъ сердце говоритъ:

Чтожъ можетъ быть милѣй — какъ милымъ заниматься?
Чего же медлишь ты? — пора тебѣ приняться
О милой Катинькѣ съ друзьями говорить,
И разсужденія сухія отложить.
Мнѣ сердце Апполлонъ — ему я покаряюсь,
И съ нова къ Катинькѣ любезной обращаюсь.
И такъ мы съ Катинькой отправились въ тотъ край,
Гдѣ въ древности хотя не воевалъ Мамай;
Но въ нашей памяти, тамъ были страшны бои,
Гдѣ наши Русскія преславныя Герои,
Сражались съ ужасомъ — онъ ихъ не устрашилъ;
Сражались съ ядрами — надъ ними Россъ шутилъ.
Потомъ проливъ въ поляхъ кровавыя потоки,
Давали всякому врагу свои уроки;
Сей страшною войной дала Россія знать,
Что гдѣ лѣтятъ орлы, тамъ должно умирать;
Суворовъ Марсовъ сынъ достигнулъ и до трона;
Престолъ предъ нимъ упалъ — въ рукахъ его Корона;
Съ которой нашъ Герой къ Монархинѣ лѣтитъ,
Ктожъ кромѣ Русскаго тронъ трону покоритъ?
Потомъ во всей странѣ спокойство водворилось,
Одной Порфирою съ Россіею покрылось;

Подъ Скиптромъ мудрости спокойствіе цвѣ-
тетъ,
Тамъ въ безопасности отецъ и сынъ живетъ;
Богатство въ той странѣ катилося рѣкою,
Привыкли тамъ всегда лишь въ роскоши тонуть,
Взгляни — все здѣлано богатою рукою,
Чегобъ не стоило, но только бы блѣснуть. —
Тутъ Катинькинъ отецъ пріѣхавши остался,
И жизнью прочною въ томъ мѣстѣ основался.—
Теперь перо свое я долженъ положить,
Воображеніе мнѣ можетъ измѣнить;
Читатель! ты простишь коль слабо описанье,
Покрайней мѣрѣ я все приложу старанье,
Чтобъ всѣ веселости — пиры изобразить,
Чтобъ каждой могъ изъ васъ участникомъ въ
нихъ быть;
Въ огромномъ зданіи зараза находилась,
Казалось храмина симъ жительствомъ гордилась;
Украшена она была со всѣхъ сторонъ,
И бюстами боговъ — и множествомъ колоннъ;
Съ одной страны былъ садъ плодомъ обремененный
Чѣмъ только вздумалось, тѣмъ вкусъ свой
услаждай;

Цвѣтникъ различными цвѣтами испещренный,
И что онъ составлялъ? Читатель угадай!
Онъ имя Катиньки предъ окнами являетъ,
Тутъ розы лиліи и шевре-фель цвѣтутъ,
Прекрасной запахъ ихъ весь воздухъ наполняетъ;
Онижъ надеждою щасшливою живутъ;
Когда въ другъ вздумаетъ зараза прогуляться,
Пришедши къ нимъ сорветъ — пойдетъ гулять съ цвѣткомъ,
Съ чемъ участь тѣхъ цвѣтовъ возможетъ поровняться,
И ктобъ не захотѣлъ быть розовымъ кусткомъ?
Цвѣтокъ покуда цвѣлъ, ты очень былъ прекрасенъ;
А въ милыхъ — Ангельскихъ рукахъ,
Ты въ двое лучше сталъ — но только сталъ опасенъ.
Любовь въ твоихъ листахъ,
Ты часъ щасшливымъ былъ — увялъ и распростился,
Съ прекрасной ручкою любезной госпожи,
Ты не совсѣмъ еще забылся,
Цвѣточикъ не тужи,

Нещастной Селадонъ тебя съ собой равняетъ;
Онъ думалъ щасшливъ быть и также брошенъ былъ;
Тебя онъ съ радостью — съ восторгомъ поднимаетъ,
Возможноль воображать, чтобъ ты съ нова жилъ!
Дражайшій сей цвѣтокъ премного разъ лобзаютъ —
Но пользы мало въ томъ — про то со всѣмъ не знаютъ;
Коль скажетъ Катинька, что хочется гулять,
Всѣ пустятся слѣды цвѣтами устилать.
Что ступитъ, то жесминъ—то роза, василіочикъ,
Наклонются сучки, чтобъ фрукты можно рвать;
И каждой кажется кусточикъ
Радъ въ слѣдъ за Катинькой бѣжать;
Когда она пойдетъ въ другую половину,
Гдѣ славный Английской распространялся садъ;
Любила Катинька изъ всѣхъ одну куртину,
Котора сажена сто слишкомъ лѣтъ назадъ.
Въ ней сосны древнія и дубы возвышались,
Казалось что они вершиной въ небесахъ;
Верхи изъ давныхъ лѣтъ сплѣтались,

Подъ сей-то тѣнію при жаркихъ лѣтнихъ дняхъ,
Почасту Катинька гуляла,
То съ книжкою въ рукахъ:
Тутъ съ авторомъ она восторги раздѣляла,
А тамъ вдавалась съ нимъ въ страхъ. —
То вдругъ съ подругами въ алею ту пускалась,
Чтобъ съ ними радость раздѣлить,
Печаль для Катиньки съ тѣхъ поръ не появлялась,
Какъ грозный рокъ ее смѣлъ маминьки лишить;
На третей сторонѣ двѣ рѣчьки протекали
И дѣлали собой прекрасный островокъ,
Туда не рѣдко отъѣзжали,
Чтобъ сѣсть закруглый столъ въ кружокъ;
И тутъ-то Катинька какъ Ангелъ средь собранья!
Прекрасной ручькою, чай станетъ разливать,
Откуда вкусъ въ чаю! какія восклицанья,
Что это Нектаръ пьютъ - инымъ нельзя назвать. —
Любезныя! теперь должны вы мнѣ признаться,
Что лестно слушать вамъ — когда похвалютъ васъ;

Всѣ съ самолюбіемъ на свѣтѣ семъ толпятся,
А паче женщины — самолюбивѣй насъ,
И вѣрнобъ всякая хотѣла наслаждаться,
Всегда и общей похвалой
Но зависть не должна у васъ въ сердцахъ ра-
ждаться,
Любуясь Катиньки судьбой. —
Она примѣрнейшимъ твореньемъ въ свѣтъ ро-
дилась,
Вторая Душенька — но въ нашихъ временахъ,
И не игра ума — а истинно, явилась;
Чтобъ землю украшать — и жить не въ Небе-
сахъ.
Четверта сторона горою украшалась,
Съ нее катилися каскады съ ревомъ въ внизъ,
Отъ сихъ каскадъ вода въ низу остановлялась,
И составляла прудъ въ которой бы Нарцизъ
Конечно заглядѣлся,
Таковъ онъ былъ прозраченъ чистъ,
Въ немъ яликъ пущенъ былъ и парусъ тамъ бе-
лѣлся.
И естьли вечеръ тихъ, небьется даже листъ;
То узинькой тропой всѣ подъ гору сберутся,
И сѣвши на корабль прудной,

Безъ вѣтру по пруду несутся,
Лишь только греблею одной. —
И такъ на яликѣ катаясь,
Убьютъ хоть нѣсколько часовъ;
Надеждой сладостной питаясь,
Что новой родъ утѣхъ готовъ!
Спѣшите смертныя въ сей жизни веселиться
Покуда случай есть вамъ время сокращать,
Не вѣкъ жить съ радостью — должны вы съ ней проститься,
Щастливыя часы не должно пропущать.
Извѣстно что вещей тогда мы цѣну знаемъ,
Когда ихъ потеряемъ. —
Однакожь надобно сужденія забыть,
И внутрь во храмину Читателя сводить;
Тамъ стѣны штофомъ испещренны,
Паркѣ какъ зеркало блѣститъ,
Во всемъ искусства истощенны,
Во всѣхъ трюмо, фарфоръ дышитъ;
Сіяютъ люстры въ возвышеньи,
Какъ будто солнцевъ тьма горитъ,
Въ пространной залѣ въ отдаленьи
Огромна музыка гремитъ.

Набиты комнаты гостями,
И всякой разно упражненЪ,
Но всѢ сЪ веселыми душами,
И всякой только зараженЪ
Прелестной Катинькой, которая блистала
Во всемЪ кругу подругЪ своихЪ,
Она красавицЪ затьмѢвала
Хоть очень много было ихЪ.
Толпа проворныхЪ СеладоновЪ,
Всегда при КатинькѢ была;
Она не слышала ихЪ стоновЪ,
И всѢхЪ вЪ одной цѢнѢ вела. —
Чегобы Катинька имѢть не захотѢла,
КонечнобЪ для ее услугЪ
Явилося полсотни вдругЪ,
И вѢрнобЪ все она имѢла. —
СтарикЪ и молодой вЪ глазахЪ ее читалЪ;
Чего угодно ей — вЪ догадкахЪ умЪ терялЪ,
И словомЪ Катинька была боготворима,
Мущины всѢ пленялись ей;
ОтЪ старыхЪ дамЪ она тогда была любима,
Подруги были всѢ почти друзьями сЪ ней!

Что можетЪ лучше быть подобной жизни вЪ свѣтѣ,
ЧтобЪ быть одной у всѣхЪ вЪ предметѣ,
ЧтобЪ все, что вздумалось имѣть,
И среди тысячей вездѣ одной гремѣть.
Сего дня знатный пирЪ вЪ честь Катинькѣ дается,
Вездѣ течетЪ Токай — вездѣ лишь НектарЪ льется!
ТамЪ пушечна пальба — тамЪ фейрверкЪ горитЪ,
ТамЪ вензель Катиньки собой украсилЪ щитЪ;
ТамЪ имя Катиньки средь хора повторяютЪ,
И словомЪ, что во всемЪ ее лишь прославляютЪ;
На завтрѣ вЪ честь ее театрЪ — и маскерадЪ,
И всякой вѣрно радЪ,
СЪ послѣднимЪ распрощаться,
ЧтобЪ только назади отЪ прочихЪ не остаться,
И чтобы Катиньку заставить день убить,
ЧтобЪ нѣжную ея улыбку заслужить.
За чтожЪ обижены Наяды отЪ прекрасной;
СЪ желаньемЪ Катиньки природа согласясь,
На землю выслала день ясной!
И Катинька сЪ толпой на шлюпкахЪ понеслась.—
Вблизи тутЪ музыка играла,
Вдали хорЪ пѣвчихЪ загремѣлЪ;

Одна всѣхъ радость оживляла,
И всякой самъ въ душѣ запѣлъ;
Потомъ въ другъ эхо раздавалось,
Музыки роговой вдали,
Оно тѣмъ ближе появлялось,
Чемъ ближе къ островамъ пришли.
Одинъ былъ островъ разпрекрасной:
Его Кипридинымъ зовутъ,
И тутъ на зелени отласной
Составленъ славной былъ редутъ.
Всѣ фрукты сами наклонялись,
И ихъ безнужды всякой бралъ;
Въ кусточкахъ птичьки забавлялись,
И этотъ хоръ концертъ давалъ.
Потомъ на вѣткѣ не извѣстной,
Запѣлъ въ полъ — тона соловей,
Какъ будто зналъ, что онъ прелѣстной
Услужитъ пѣснію своей.
Природа въ тишинѣ дремала,
Ни что не смѣло зашумѣть,
Въ водѣ луна одна играла,
Стараясь Катиньку глядѣть;
Прилунномъ слабомъ освященье;
Пустилась въ городъ съ острововъ,

Всѣхъ утомило утѣшенье,
И всякой былъ ко сну готовъ.
И наконецъ достигли брега,
Достигли мирнаго начлега,
Какъ будто странники въ моряхъ;
Однакожъ всякой былъ въ горяхъ,
Что долженъ съ Катинькой дозавтрева разстаться,
Что нѣсколько часовъ съ ней должно невидаться —
На завтрѣ новыя веселости всѣхъ ждутъ,
Пиры и радости съ зарею настаютъ,
Что день то новое — что день то наслажденье;
Хоть лѣтній день великъ — но онъ одно мгновенье,
Гдѣ ступитъ Катинька — всѣ ради слѣдъ лобзать,
Коль худо взглянетъ гдѣ, — все станетъ унывать. —
Метальной пуговкой убила ручку нѣжну
Однажды Катинька танцуя невзначай,
Читатель примѣчай,
Металла участь не избѣжну,
На завтрежъ нинакомъ уже невидно ихъ,
Виновникъ же не смѣлъ казать и глазъ своихъ;

Хоть Катинька къ тому была и равнодушной,
Но страстные сердца всѣ строютъ храмъ
воздушной!
Въ такомъ то Катинька почтеніи жила;
Она всегда была любезна — весела,
Вставала къ радостямъ — ложилась въ утомленьи;
Что утро — то восторгъ — что вечеръ утѣшеньи:
Все милой Катинькѣ старалось угодить;
И естьли бы она велѣла въ Крымъ сходить,
Чтобъ фруктовъ принести въ назначенныя сроки,
То вѣрнобъ тьма взялась исполнить тѣ уроки, —
Чтобъ съ Катинькой хоть разъ на балѣ танцовать;
Иныя въ томъ свое блаженство поставляли,
Другія въ жизнь свою одно лишь желали,
Чтобъ съ нею всякой день бывать.
Межъ прочимъ многія не малаго искали,
Хотѣли руку получить;
Но тѣ лишь въ сладостной надеждѣ утопали,
Они старалися воображеньемъ жить.
Видали и такихъ, что цѣлой день страдаютъ;
За тѣмъ, чтобы одно воззрѣнье получить;
Но часто недождясь уныло день кончаютъ;

Несносно передъ тѣмъ, кто милъ — полемѣ
служить —
Большая часть изъ нихъ и тѣмъ довольны были,
Что въ слѣдъ за Катинькой ходили. —
Мужчины бѣдныя! хоть жаль мнѣ очень васъ,
Однако же въ любви несчастливъ кто изъ насъ?
То сами же виной — а женщинъ невините,
Коль щастія искать такъ мысли премените,
Не думайте одной наружностью плѣнять,
Карета — лошади не могутъ всѣхъ занять;
А естьли и займутъ — такъ развѣ полаумныхъ;
Въ подобныхъ же искать путей не много труд-
ныхъ.
Старайтеся своимъ достоинствомъ блистать;
Старайтесь, чтобы васъ всегда по васъ любили;
Чтобъ вами занялись а прочее забыли;
Тогда на злую часть не будете роптать;
Тогда престанете вы жить воображеньемъ.
Чего въ вѣкъ не было — не будутъ съ восхи-
щеньемъ
Разсказывать другимъ — влюбленный не любя,
Не будетъ ужъ тогда обманывать себя,
И все пойдетъ наладъ — вы будете счастливы;
А женщины для васъ не будутъ горделивы;

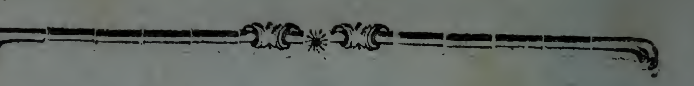
Однакожь я забылъ, что легче наставлять;
Чемъ наставленія чужія исполнять;
. . . .
Которыя народъ ходили обучать.
А нынѣ множество такое моралистовъ,
Что самъ бы Эллеръ ихъ не могъ пересчитать.
Однакожь Катинька осталася въ забвеньи;
Пора намъ съ ней ее веселости дѣлить:
И въ райское ее селенье
Хоть въ мысляхъ съѣздить — и пожить. —
Зимой составивши катанье;
Изъ славныхъ множество саней;
И послѣ гдѣ нибудь собранье;
Иль *deujeuné danſſant* для ней.
Кругомъ различныя явленьи
Здѣсь горы — тамъ изъ снѣга гротъ;
Средь грота въ страшномъ изумленьи;
Сидитъ плѣнившійся Эротъ;
Тамъ ледъ Эмблему представляетъ,
Обнявшись младость съ красотой,
Отъ солнца какъ алмазъ блистаетъ;
Или какъ Филограмъ златой;
А ихъ премудрость осѣняетъ,
Жезломъ Божественнымъ своимъ;

Фортуна между тѣмъ колѣна преклоняетъ,
Готовяся въ услугу имъ. —
Эмблемма хороша для Катиньки прекрасной,
Дурна же отъ того,
Что съ будущей весной не взвидишь ничего;
Примѣръ такой опасной;
Фортуна вѣтрена — а случай какъ слѣпецъ,
И въ свѣтѣ все какъ ледъ, имѣетъ свой конецъ.
Нельзя, чтобъ никогда намъ съ щастьемъ не растаться,
По кровлѣ ходючи должны остерегаться. —
Конечно тяжело премѣну выносить,
Но здѣсь премѣнно все — то нада такъ и жить!
Вотъ на примѣръ: перо, которое писало
Всегда о радостяхъ — о балахъ — о пирахъ,
Всегда веселыя предметы представляло,
Теперь съ негожъ польется страхъ! —
Россiйску область пролетая,
Уныло вѣстникъ намъ гласитъ,
Что смерть, на Троны не взирая,
Царей стрѣлой своей разитъ.
Премудрость — мужество — искусство правитъ нами,
Искусство побѣждать враговъ — владѣть сердцами!

Ни что руки ея — ни что неизбѣжитъ,
Народный вопль — мольбы — отъ ней не защититъ,
Вторая имянемъ — и перьвая дѣлами,
Котора божествомъ всегда щиталась нами,

И той со смертными, единой же предѣлъ,
Надъ Россіянами безъ тучи громъ гремѣлъ:
Потухъ въ нихъ гордый духъ — онъ ею лишь кичился,
Лились потоки слезъ и стонъ вездѣ носился;
Услыша Марсъ ту вѣсть, какъ смертный трепеталъ,
Онъ только отъ нее лишь лавры получалъ!
И Музы съ томною унылою душею,
Простились на всегда съ защитницей своею.
Она не умерла — хотя и въ Небесахъ,
Она живетъ еще и будетъ жить въ душахъ.

КНИГА III.

Бывало Катинька всѣхъ женщинъ украшеньемъ,
Бывало Катинька всѣхъ обществъ утѣшеньемъ;
Бывало Катинька блистала красотой,
И всѣхъ собой плѣняла,
Вкушала сладость и покой,
И горестей совсѣмъ не знала.
Бывало Катинька при прежнихъ райскихъ дняхъ,
Когда жила еще въ полуденныхъ странахъ,
Подъ кровомъ у отца — подъ нѣжнымъ попеченьемъ,
Тогда все кажется дышало къ ней съ почтеньемъ;
Тогда и мысль ее старалась упреждать,
Не оставалось ей чего бы пожелать. —
И вкусъ и взоры пресыщенны,
Всѣмъ тѣмъ, что можно представлять;
Всѣ были рѣдкости для ней обыкновенны,
И зависть предъ ней старалася молчать;
Свое все зло оборотивши,
Въ гоненье Витязямъ земнымъ,

Суворова изобразивши,
Фортуны пасынкомъ слѣпымъ; —
А многіе отъ ней въ такомъ безумствѣ были,
Что всѣмъ за истинну твердили —
И увѣряли въ томъ,
Что нѣкимъ волшебствомъ,
„Натура матушка для Катиньки прелестной,
„Задумавши отдать Полдневной край извѣстной,
„Зажгла военной огнь,— которой воспылалъ,
„Которой Царской Тронъ до дна поколебалъ,
„И сдѣлавши одно съ Россіею владѣнье,
„Далъ милой Катинькѣ сей край на утѣшенье.
Предубѣжденіямъ хоть вѣрь, хотя невѣрь,
И всякъ изъ насъ на свой аршинъ то дѣло мѣрь;
Но поздно уже все! все случаевъ забава,
Богатство— щастіе — и громозвучна слава!
Фортуна какъ огонь — а жизнь какъ транспаранъ,
Вдали какъ точный видъ — а въ близности обманъ,

Да и обманъ пустой, которой лишь блистаетъ
Пока огонь не угасаетъ;
А только лишь погасъ,
То въ тотъ же самой часъ
Обыкновенная явится темнота,
Утѣхи нашихъ дней — и щастье — суета.
Все было лучшее, что только можетъ быть,
Воображеніе едва могло вмѣстить.
Все то, что дѣлалось для Катиньки прекрасной,
О колесо судебъ! о оборотъ ужасной!
Гдѣ Катинька твой рай? гдѣ славной твой чертогъ?
Гдѣ ты живешь теперь? у Волгскихъ береговъ;
Въ уютномъ домикѣ — надъ свисшими скалами,
Окружена вездѣ кремнистыми горами.
Гдѣ славной твой цвѣтникъ? гдѣ темной сводъ алей?
Въ глазахъ твоихъ одинъ лишь дикой видъ полей.
Не розы — не жасминъ дорогу устилаютъ,
Осенній спадшій листъ подъ ножкою хруститъ,
Деревья вѣтвіевъ своихъ не наклоняютъ,
И въ Маѣ для тебя все осенью глядитъ;

Гдѣ милой твой прудокъ? — гдѣ островъ тотъ
прекрасной?
Среди котораго ты ручькою атласной,
Разскладывала чай въ кругу друзей своихъ,
Въ кругу поклонниковъ, всѣхъ прелестей тво-
ихъ.
Куда дѣвалася толпа тѣхъ Селадоновъ,
Которыя твоихъ искали нѣжныхъ взоровъ?
Теперь передъ собой—въ окружныхъ деревняхъ,
Ты видишь всякой день толпу Венеръ въ лап-
тяхъ.
Гдѣ балы? гдѣ пиры? гдѣ хоръ музыки звучной?
Теперь въ ушахъ твоихъ, рожокъ пастушій,
скучной.
И больше ничего....
Какъ можно, все имѣвъ — жить послѣ безъ все-
го!
Гдѣ штофный твой диванъ? гдѣ зеркальны пар-
кѣ?
Все для тебя теперь осталось въ далекѣ. —
Встававши къ радостямъ — ты къ горестямъ
встаешь,
На мѣсто сладкихъ думъ — ты горьки слезы
льешь;

Вотъ пагубный конецъ блаженству твоему;
Вотъ истинный урокъ, что есть конецъ всему.
Когда и Катинька уже нещастна стала,
И та, которая сердцами обладала,
Которая едваль имѣла что желать,
Ей все стремилось угождать;
И та теперь живетъ въ печали—въ огорченьи,
Душевныя мученьи
Гораздо тягостнѣй имѣть,
Чѣмъ внѣшностью болѣть.
Теперь ты Катинька все въ свѣтѣ потеряла,
Потворствовать тебѣ Фортуна перестала,
Лишившися отца—лишилась всѣхъ забавъ,
Таковъ Небесъ уставъ,
Что за одной бѣдой идутъ бѣды слѣдами,
Такъ точно Катинька Всесильными судьбами,
Удручена теперь ты смертною тоской,
Достоинства твои и красота съ тобой;
Но коль встревоженъ духъ, коль на сердце у-
ныло!
Тогда уже ничто не можетъ быть намъ мило.
Не сносно, естьли рокъ страдать опредѣлилъ,
Тому—кто щастливъ былъ;
Кто все въ свѣтѣ потеряетъ,
Для кого надежды нѣтъ,

Тотъ два раза умираетъ;
Тому въ гробѣ лучшій свѣтъ.
Щастьемъ многихъ ты владѣла,
Тебѣ жертвовали имъ,
Но ты власти не имѣла,
Не разлучна быть съ своимъ.
Кр сотою ты блистала,
Побѣждала тьму сердецъ,
Бывъ щастливою не знала,
Что всему здѣсь есть конецъ.
Все, что славно — важно въ Мірѣ,
Для судьбы нѣтъ нужды въ томъ,
Поражаетъ и въ порфирѣ,
Такъ какъ въ рубищѣ худомъ.
Ты прелестными чертами,
И душевной красотой,
Божествомъ была межъ нами,
Все плѣнялося тобой.
Но судьба красѣ невнемлетъ,
Не пристрастна ни къ чему,
Нѣжныхъ душъ покой отъемлетъ,
Все творитъ по своему.
Катинька! ты всѣмъ владѣла,
Щастьемъ — прелестью — умомъ;

Но судьба тебѣ велѣла,
Жить съ единымъ сиротствомъ. —
Естьлибъ Катинька то знала,
При щастливыхъ временахъ,
Что ей участь предписала,
Окруженной быть въ бѣдахъ,
Тогда вѣрнобъ согласилась,
Лучше щастливо не жить —
А теперь всего лишилась
И должна всегда грустить. —
Щастливъ тотъ, кто равнодушно,
Цѣлый вѣкъ свой проведетъ,
Тотъ кому всегда не скушно,
Кто вездѣ покой найдетъ.
А душевнаго спокойства,
Намъ довольно въ жизни сей;
Но едвалъ такого свойства
Можно отыскать людей;
Кто съ чувствительной душею,
Родился на бѣлой свѣтъ,
Тотъ колючею стезею,
Отъ пеленокъ въ гробъ пойдетъ.
Только тѣ всегда щастливы,
Вкомъ на мѣсто сердца, ледъ,

Для глупцовъ всегда оливы,
Вѣкъ ихъ сладокъ такъ какъ медъ.
Человѣкъ ты съ тѣмъ родишся,
Чтобы Міръ сей украшать,
Ты надъ тварями гордишься,
Можешь ими управлять.
Но тогда какъ огорченье,
Будетъ душу тяготить,
Сдѣлай съ тварями сравненье,
Ты захочешь ими быть.
Тотъ кто чувствовать не знаетъ,
Для того и горя нѣтъ.
Часто намъ и жизнь скучаетъ,
А для нихъ прекрасенъ свѣтъ.
За чѣмъ ты Катинька родившись таковою,
Чтобъ все обворожать — не властна надъ судь-
бою,
Или сильнѣе всѣхъ въ подъ-лунномъ Мірѣ рокъ?
Паденье Катиньки прекрасной намъ урокъ.
Примѣровъ много есть, — но мы не примѣчаемъ,
Не думая впередъ — лишь въ нѣгѣ утопаемъ;
Всѣ въ свѣтѣ есть мораль — и школа для людей,
Отъ дѣтскихъ колыбель — до гробовыхъ дверей.

Мы въ зыбкѣ зыблемся — она намъ представляетъ ;
Волненье въ жизни сей ,
Мятется человѣкъ — покою не встрѣчаетъ ,
Всегда колеблемся — и всѣ, душей своей !
Кто малъ , тотъ хочетъ быть великимъ въ здѣшнемъ Мірѣ ;
Забывши , что покой не заключенъ въ порфирѣ?
Заботы трудности поддерживаютъ Тронъ ;
Малѣйшая слеза , малѣйшій самый стонъ
Доходитъ до Царя , требуемъ вниманья ,
Нѣтъ въ свѣтѣ состоянья ,
Чтобъ совершенное спокойство было въ немъ:
Чѣмъ степень болѣе — тѣмъ больше трудъ найдемъ ,
Бѣднякъ ; богатымъ быть желаетъ ,
За тѣмъ, что въ рубище его всякъ презираетъ !
А въ случаѣ иномъ завидна нищихъ часть ,
Лежавши въ пропасти ужъ некуда упасть ;
Ихъ вся бѣда лишь въ томъ , что денегъ не имѣютъ ;
А сколько есть такихъ ; что съ деньгами болѣютъ ?

Невѣжда умницей — ученымъ хочетъ быть,
А умной радъ всегда ученость уступить;
Считая, что глупецъ щастливое творенье; —
И словомъ: въ Мірѣ все есть общее волненье. —
Когда же станемъ подрастать,
Я чаю каждому случалося видать,
И даже Катинька съ подругами игрaла,
Изъ мыла пузырьки въ соломенку пускала;
Которыя она старалась надувать,
Чтобы величиной подругъ перщеголять;
Какой прекрасной цвѣтъ, какія перемѣны,
И въ немъ какъ въ зеркалѣ всѣ видны окны стѣны!
Пузырь великъ, хорошъ — пузырикъ полетѣлъ;
Носился въ комнатѣ, ты онымъ забавлялась,
Но вдругъ изчезъ пузырь — и пѣна лишь осталась —
Вотъ смертныхъ всѣхъ удѣлъ. —
А бабочка когда въ поляхъ — въ саду летаетъ,
Она намъ въ будущемъ довольно предвѣщаетъ;
Она вертясь въ близи дѣтей къ себѣ манитъ,
Дастъ время подойти — и послѣ улѣтитъ,
Такъ точно люди всѣ фортуну догоняютъ.
Чего нельзя имѣть, то щастьемъ поставляютъ;

А кой же часъ найдутъ,
То ужъ щастьемъ незовутъ. —
Когда ты Катинька въ блаженствѣ утопала;
Тогда совсѣмъ цѣны ты щастію не знала.
Теперь же начала о прошлыхъ дняхъ вздыхать;
Гдѣ Граціи твои? вели къ себѣ позвать,
Чтобы они пришли къ тебѣ на утѣшенье.
Они и въ младости имѣли попеченье?
Но видно въ Небесахъ равенъ съ землей уставъ;
Участниками быть не горя — а забавъ. —
Отъ скуки Катинька незнавъ куда сокрыться;
Въ отчаяньи своемъ рѣшилась утопиться,
Покажется смѣшнымъ и чуднымъ случай сей;
Но всякой посудя по горести своей,
Обязанъ будетъ въ томъ признаться,
Что намъ отчаянью нельзя сопротивляться;
Такъ точно и она рѣшилася не жить;
Лишь солнце стало заходить;
Любезна Катинька изъ домику выходитъ;
Покрутизнѣ горы она въ равнину сходитъ,
Гдѣ быстрая рѣка стремительно бѣжитъ;
Съ унылою душой къ ней Катинька спѣшитъ:
По каменнымъ ступнямъ она все сходитъ ниже;
Что шагъ — то къ смерти ближе;

Прощалась Катинька съ подлунной стороной
Прощалась съ милыми — прощалася съ собой,
Въ зглянувъ на Небеса со вздохомъ говорила:
„На что судьба меня и жизнью наградила,
„На что она мнѣ всѣ пріятности дала!
„На что я щастливо доселѣ прожила,
„На толи, чтобы въ другъ теперь всего лишиться,
„Чтобы не въ гробѣ лечь, — въ струяхъ воды сокрыться,
„Прости любезный садъ,
„Въ тебѣ уѣдинясь — искала я отрадъ!
„Прости прекрасной лугъ на коемъ я гуляла,
„Гдѣ о прошедшихъ дняхъ блаженства вспоминала;
„Прости домъ родственный — прости зеленой лѣсъ,
„Прости на вѣкъ и ты лазурный сводъ Небесъ.
„Чрезъ часъ не буду я осѣнена тобою,
„Бездушный, тлѣнный трупъ умчитъ вода съ собою.
„Прости несносной свѣтъ — ты мнѣ любезенъ былъ,
„Теперь со всѣмъ постылъ,

,,Съ закатомъ солнечнымъ и жизнь моя скатиться;
,,Не страшно умѣреть тому, кто могъ рѣшиться,
,,А ежели начнетъ отчаянье терзать,
,,Тотъ съ радостью умретъ — тотъ долженъ гробъ лобзать,,
Природа трепещи! — Кого ты поражаешь?
Ты безпримѣрное твореніе теряешь.
Рыдайте берега — тужи безмолвный лѣсъ,
И тучей мрачною покройся сводъ Небесъ;
Вздохните Граціи — но поздо сожаленье,
Взглянните на рѣку — тамъ быстрое теченье;
Тамъ пѣна клубится — стремится и ревет ъ.
Тамъ нашу Катиньку волна съ собой несетъ,
Ужъ близокъ ей конецъ — готовъ съ ней свѣтъ проститься.
Увы! она должна въ пучинѣ водъ сокрыться?
Тужите нѣжныя чувствительны сердца
Лишившись щастія — лишившися отца,
Съ потерью такой нашъ ангелъ жизнь теряетъ,
Спѣшите ей помочь — спешите — погибаетъ.
Межъ тѣмъ изъ далека погрѣмливалъ громокъ
Къ спасенью Катиньки его готовилъ рокъ. —

Судьба коль хочешь ты — тогда все въ свѣтѣ
можно,
Топилась Катинька не очень осторожно;
Однакожъ скучивъ жить, — кто вздумалъ уми-
рать!
Тому нѣтъ времяни послѣдствіи разбирать. —
Пониже на рѣкѣ купальня находилась,
Веревкой Катинька близъ оной зацѣпилась;
Металася она — старалась отцѣпить,
Рвалась — и думала кончину ускорить;
Но вдругъ поднялся вихрь — песокъ въ брегахъ
крутился,
Ударилъ страшный громъ — померкъ Небесный
сводъ,
Ужасной молніей сей сумракъ освѣтился!
И смертоносный огнь разилъ въ поверхность водъ,
Купальня отъ сего удара воспылала,
Стекался къ ней народъ, чтобы пожаръ ту-
шить!
Судьба! ты это все къ спасенію послала,
Затѣмъ, чтобъ Катиньку заставить снова жить,
Что зрители нашли! — какое удивленіе!
Какое страшное ужасное смятенье.

Вдругъ видютъ Катиньку колеблему волной,
Тутъ всякой былъ готовъ пожертвовать собой.
Чтобъ только Катинька отъ гибели спаслася,
Она усердіемъ — любовью извлеклася,
И бездыханная поверглася на брегъ,
Въ чертахъ отчаянье — блѣдна какъ бѣлый снѣгъ?
Несутъ любезную состономъ и слезами,
Что дѣлалось тогда съ родными и друзьями?
Они въ смятеніи не знали, что начать,
Кто спиртъ держалъ въ рукахъ — кто вздумалъ оттирать,
А многія изъ нихъ въ безумствѣ сами были;
Но къ щастью общему надежду находили,
И Катинька могла хоть съ нуждою дышать,
Потомъ когда она ужъ стала оживать,
Невѣрили глазамъ — и вмѣстѣ всѣ кричали:
Какимъ мы случаемъ любезную теряли;
За что нещастіемъ насъ рокъ хотѣлъ сразить,
Чтобъ друга нашего — красу людей згубить?
Тутъ томнымъ голосомъ имъ Катинька сказала:
„Какая польза мнѣ отъ всѣхъ любимой быть;
„Когда я и сама собой уже скучала,
„Вы думая спасти — старались погубить;

,,Что пользы въ красотѣ — въ талантахъ — въ славѣ бренной,
,,Когда встревоженъ духъ печалью отягченной;
,,Когда я всякой часъ томилася тоской,
,;На что и жизнь тогда, коль насъ бѣжитъ покой—
,,Тогда какъ и покой присудствовалъ сомною,
,,Всегда щитала жизнь я шашичной игрою,
,,На шахматной доскѣ все розной видъ беретъ,
,,То слонъ, а то ладья, то доведью слыветъ,
,,То пѣшка, то конекъ, и розно все зовуться;
,,Но кончалось и гра — въ одинъ мешекъ складутся:
,,И такъ, что пользы намъ! — на что мы здѣсь живемъ?
,,Хоть плачь хоть веселись, но опослѣ все умремъ.
,,А естьли же къ тому и жизнь не утѣшаетъ,
,,Тамъ лучше умереть — смерть бѣдства прекращаетъ.
,,Кому несносна жизнь — кому весь свѣтъ немилъ,
,,Тому пріятенъ гробъ—не страшенъ видъ могилъ,

Сь симъ словомъ Катинька вздохнувши замолчала,
Однакожъ свѣтомъ симъ скучать непреставала;
Напрастно думали совѣты подавать,
Все тщетно для того, кто осужденъ страдать.
„Какъ грустно быть судьбѣ подвластнымъ,
„Хоть власть ее и быть должна.
„На что дается жизнь нещастнымъ?
„Она имъ во всѣ не нужна,
„За чѣмъ кто щастливъ — умираетъ;
„А бѣдный мучиться живетъ. „
Такъ Катинька сама съ собою разсуждаетъ,
А между тѣмъ сѣбѣ минутъ свободныхъ ждетъ:
Присмотръ за ней вездѣ — шаги всѣ примѣчаютъ;
Но гдѣ препятствіе — тамъ больше поощряютъ.
Однажды Катинька осеннимъ вечеркомъ
Бывъ въ комнатѣ одна защолкнулась замкомъ,
Схватила пистолетъ тихонько унесенный;
Хотѣла истребить печалью духъ стѣсненный!
Уже готовъ ударъ, — готовъ ее сразить,
Уже взведенъ курокъ — осталося спустить.
Тутъ Катинька рукой на сердце показала,
„Вотъ здѣсь живетъ печаль,, — она въ слезахъ сказала?

,,И надобно ее изгнать отЪ сюда вонЪ,
,,Теперь мнѢ кажется не встрѢтится препонЪ,
,,Теперь уже конецЪ бѢдамЪ свершиться,
О! рокЪ кого вЪ сей часЪ — кого сей свѢтЪ лишится!
Машина тронута — ей мигЪ остался жить. —
ОсѢкся пистолетЪ, не смѢя поразить,
ПрелѢстную изЪ всѢхЪ прелѢстныхЪ вЪ здѢшнемЪ свѢтѢ:
,,Все противу меня! — что мнѢ имѢть вЪ предметѢ? ,,
Сказала Катинька рыдая и стеня,
,,Ты всѢхЪ караешь смерть — но только не меня.
,,Оружіе тебя природа сотворила,
.,Чтобы разить враговЪ — тобою на градила;
,,МнѢ жизнь есть сущій врагЪ—хочу ее сразить,
,,Но смерть противиться — велитЪ еще мнѢ жить;
,,Или судьба меня безсмертьемЪ наказала!
,,ЗатѢмЪ что мало я на свѢтѢ семЪ страдала.—,,
МежЪ тѢмЪ дамашнія прислушавЪ у дверей,
Слова которыя средь комнаты своей;
Вотчаяньи вЪ тоскѢ любезная твердила,
Толкали вЪ дверь кричавЪ — чтобЪ тотчасЪ отворила

И чтожЪ увидѢли они передЪ собой;
ВЪ смятеньи Катиньку держащую рукой,
У сердца пистолетЪ готовый кЪ пораженью!
Схватили за руку и кЪ общему спасенью,
УспѢли выстрѢлЪ упредить!
,,За что хотите вы меня еще томить,,
Вскричала Катинька на креслы упадая:
ВЪ стенаніи вЪ слезахЪ и тяжко воздыхая,
ТутЪ стали ближнія просить и убѢждать,
Чтобы отчаяньемЪ ихЪ больше не терзать,
ЧтобЪ Катинька еще на свѢтѢ жить рѢшилась,
Чтобы еще земля красой ея гордилась,
ЧтобЪ Катинька еще осталася пожить,
Что щастливой она и снова можетЪ быть.
ЧтобЪ вЪ будущихЪ вѢкахЪ потомство на чертило,
Что совершенное творенье вЪ свѢтѢ было:
Но Катинька одинЪ твердила имЪ отвѢтЪ,
,,Постыло солнце мнѢ — и гробЪ есть мой преметЪ;
Но бракЪ есть гробЪ любви тутЪ, ближнія сказали,
Коль хочешь вЪ ономЪ быть, мы всѢбЪ того желали.

,,Вѣ желаньяхѣ вольны всѣ — вы можете желать;
,,Но трудно для того, кто долженѣ исполнять,
,,Головкой покачавѣ тутѣ Катинька сказала:
,,Вамѣ очень хочется, чтобы я бракѣ избрала.
,, Сей гробѣ любви тогда отраду подаетѣ,
,,Когда путемѣ кѣ нему насѣ сердце поведетѣ.—
И подлинно когдабѣ по сердцу бракѣ свершался,
Тогдабы человѣкѣ безсмертья не боялся,
Что можетѣ лучше быть,
Сѣ товарищемѣ любезнымѣ, — милымѣ,
Печали радости дѣлить?
Тогда не можетѣ свѣтѣ казаться намѣ унылымѣ
Тогда и горести не могутѣ насѣ крушить,
Коль можемѣ чувствія другому сообщить;
Сѣ богатствомѣ — сѣ почестью вельможа, всѣмѣ скучаетѣ,
Затѣмѣ, что равнаго себѣ не обрѣтаетѣ.
Затѣмѣ, что для него нѣтѣ искреннихѣ сердецѣ,
Приодиначествѣ нерадуетѣ вѣнецѣ;
Владычество надѣ всей пространною вселенной,
Не можетѣ замѣнить вѣ насѣ пустоты душевной,

И жалокъ человѣкъ,
Которой цѣлой вѣкъ,
Безъ милыхъ — безъ друзей — живетъ одинъ съ собою,
Нѣтъ! — лучше быть всегда гониму злой судьбою;
Но то гоненіе съ товарищемъ сносить,
На что и щастіе, коль нескѣмъ раздѣлить.
Однакожь Катинька законамъ Провиденья,
Избавилася днесь несноснова мученья,
Которое ее терзало всякой часъ,
Премѣны мыслей въ насъ,
Такъ точно коловратны,
Какъ дни Апрѣльскія превратны. —
Да сверьхъ того еще кто къ бѣдствіямъ привыкъ,
Тому какъ не былъ бы ударъ его великъ,
Съ терпѣньемъ пернесетъ судьбинѣ покоряясь,
И Катинька уже нещастіемъ терзаясь,
Какъ камень сдѣлалась тверда въ душѣ своей;
Но время мыслями оборотиться къ ней. —
Она любви оковъ доселѣ не носила,
И не могла любить,

Хотя искателей и много находила;
Но равнодушіемъ старалась отходить. —
Однакожь опытность Амура научила,
Дороги къ сердцу узнавать;
И сколько разъ земля свой путь кругомъ свершила!
Онъ столькоже успѣлъ по онымъ пробѣжать. —
И гдѣбы не былъ онъ — а къ сердцу доберется,
И огонекъ его въ немъ вѣрно разкладется,
Иное вдругъ зажжетъ,
Другое по немногу,
Прислучаѣ пождетъ;
Возьметъ къ себѣ въ подмогу,
То прелесть пылкихъ глазъ,
То умъ — то просвѣщенье,
Иль блещущій алмазъ,
Иль платья украшенье.
А иногда беретъ и время на прокатъ,
Чтобы любовь могла привычной загореться,
Хоть хитры женщины — но онъ хитрѣй сто кратъ,
И можноли кому отъ рукъ его сберечься. —

Послѣдне средство онъ изъ всѣхъ употребилъ,
И въ Катинькѣ любовь привычкою вселилъ,
Она хоть не была до крайности влюбленной;
Однако согласясь на бракъ ей предложенной!
Ужъ готовится къ Священному Олтарю.
Теперь я сладостнымъ желаніемъ горю.
Чтобы читателямъ то все приготовленье,
Представить ясно и сказать:
Дѣлите вмѣстѣ восхищенье,
Что уже Катинька престала тосковать;
И роду новаго себѣ конецъ избрала,
Чтобы Вселенная отъ нынѣ называла!
Могилою любви досель извѣстный бракъ,
Теперь не знаю какъ.
Прибѣгнуть къ выраженью,
Нельзя воображенью,
Такъ живо начертить,
Чтобъ видѣть тотъ обрядъ, какъ будто лично быть.
Какія хлопоты — всеобщее волненье,
Минерва сидючи на креслахъ съ бахрамой;
Давала Катинькѣ свое благословенье!
Венерѣ должно быть самой,

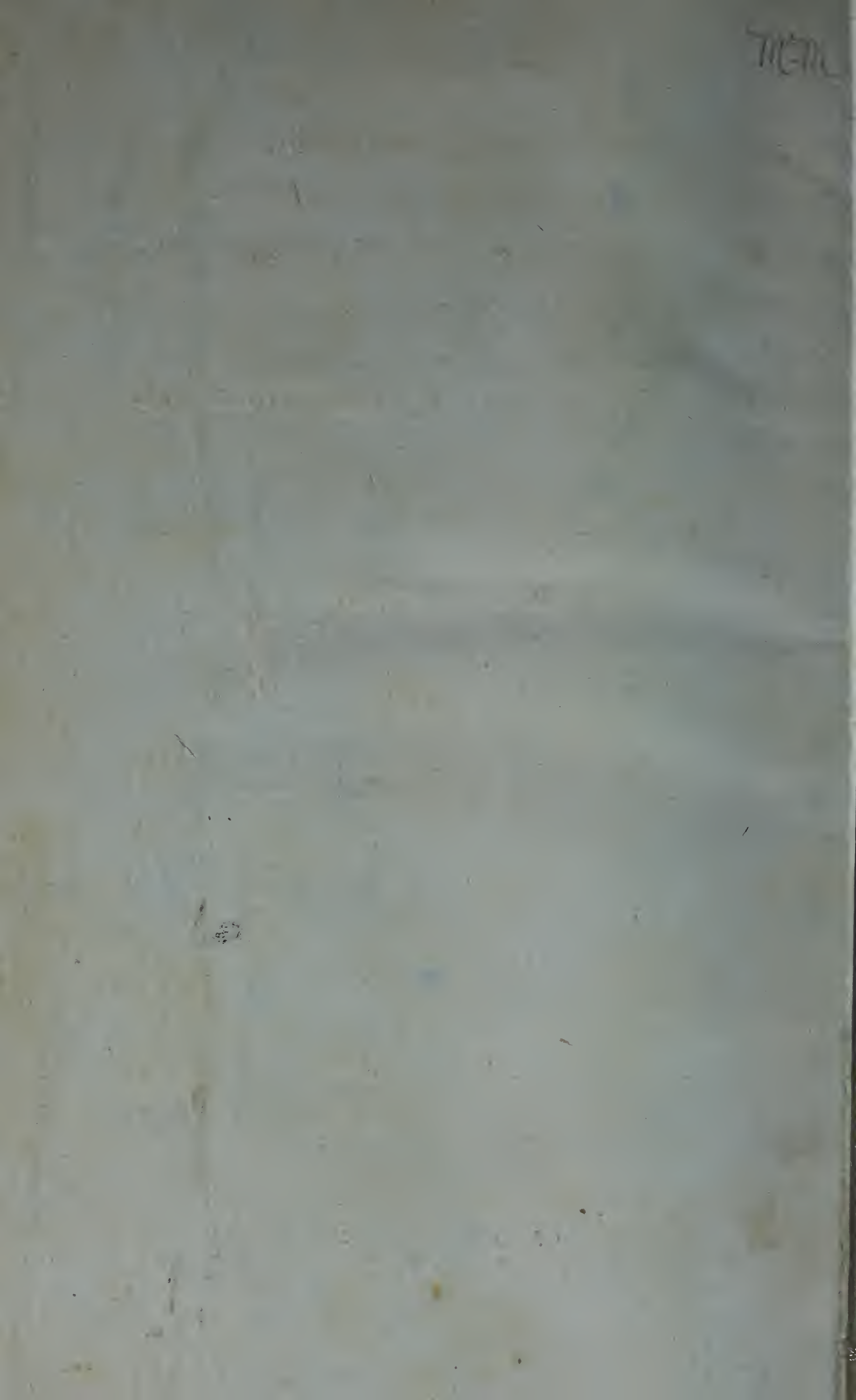
При бракѣ той, котора красотою,
И прелестью лица равна богинѣ сей; —
Веселы, игры, смѣхъ бѣжали въ слѣдъ толпою,
И оставалися при храмѣ у дверей;
Прелѣстны Граціи подругу наряжали,
Потомъ приданное изъ дому отпускали;
Амуръ съ поспѣшностью старался убирать,
Для новой сей четы поставленну кровать. —
Въ Священной храминѣ любезная стояла,
Одна гребеночка волоски украшала, —
Въ Беркальномъ платьицѣ — Съ платочкомъ на груди:
Софьянной поясокъ съ пафталемъ съ переди. —
Любимцовъ протчихъ позабывши,
Фортуна держитъ ей вѣнецъ,
И такъ престолу помолившись,
Свершили празднику конецъ. —
Прощайся Катинька съ плѣненными тобою,
Уже ихъ болѣе не будешь льстить собою.
Ужъ болѣе для нихъ въ тебѣ надежды нѣтъ,
Хоть нынѣ сталъ развратенъ свѣтъ;

Но образъ чувствъ твоихъ — твои честнѣйши свойства!
Избавютъ ищущихъ отъ тщетна безпокойства,
Отъ вредныхъ языковъ не можно избѣжать,
Но естьли будешь ты все къ сердцу принимать,
То вѣрно не найдешь въ сей жизни утѣшенья,
Старайся не забыть — тѣ прежни наставленья,
Которыя тебѣ давали съ юныхъ лѣтъ.
Изъ мыслей не теряй супружества предмѣтъ,
Чтобъ мужъ былъ другъ тебѣ — не только по-названью,
Чтобъ онъ не только былъ въ разъѣздахъ къ провожанью:
Но чтобъ товарищемъ былъ чувствъ твоихъ всегда,
И ты нещастливой не будешь никогда. —
Теперь читатели; мы съ Катинькой простимся,
Хоть очень — очень жаль, что мы ее лишимся!
И болѣе объ ней нестанемъ говорить,
Она уже для всѣхъ теперь престала жить.
Но мы возьмемъ себѣ хоть то за утѣшенье,
Что намъ надежду дастъ ее совокупленье;

Людей надежда веселитъ,
Румяная заря прекрасный день сулитъ.
Хоть мы съ любезною обязаны разстаться,
Но это не бѣда,
Мы будемъ дожидаться;
Прелѣстной Катиньки — прелѣстнаго плода.

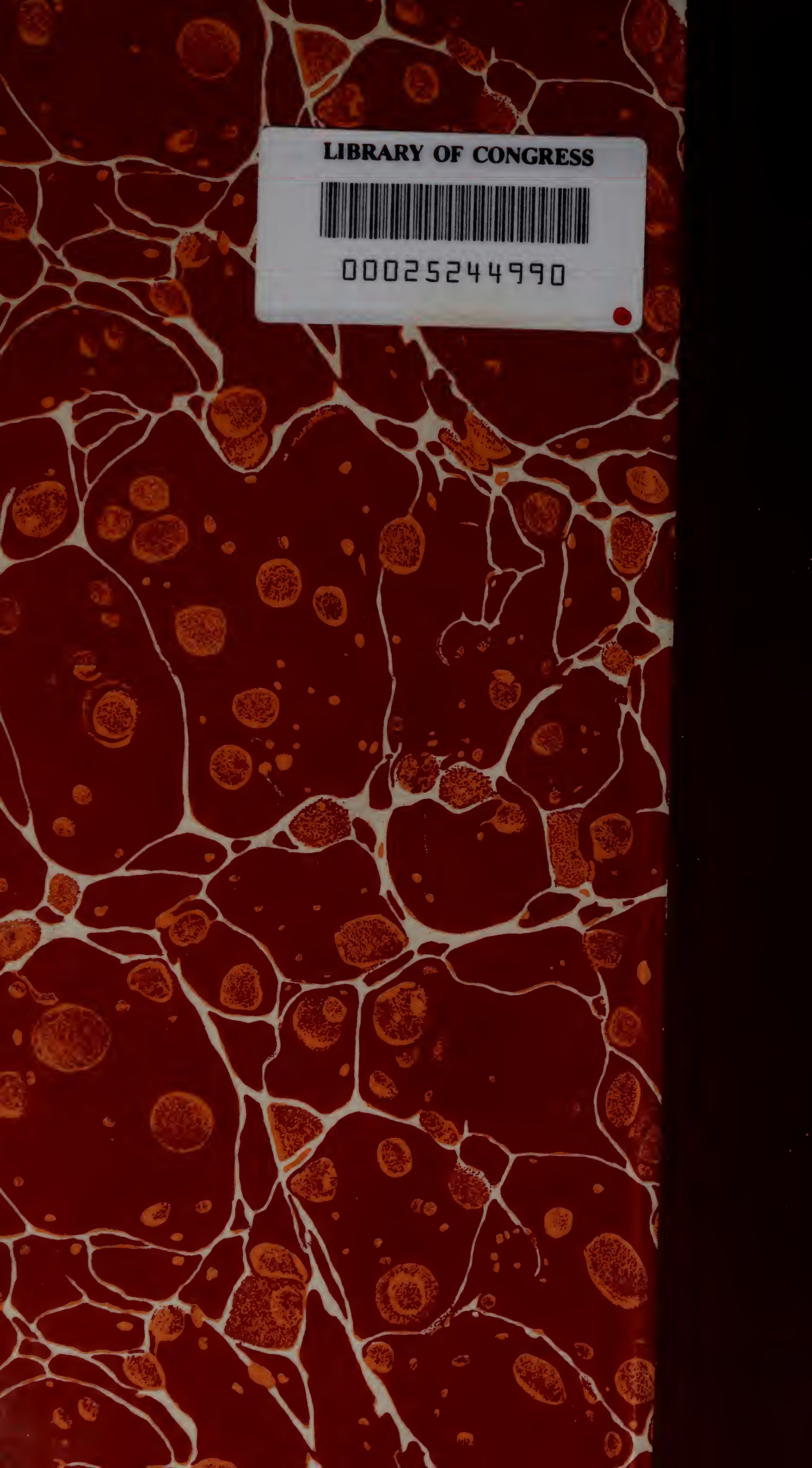
КОНЕЦЪ.

Katin'ka. Moskva, 1906

Sopikov, no. 5133

LIBRARY OF CONGRESS
00025244990